

МАРТИН ГАЛ

ДВЕРЬ
КАФКИ

Аннотация

Книга представляет нам мастера интеллектуальной прозы: в рассказах Мартина Гала, таких, как «Дверь Кафки», «Стул», «Незнакомец», читатель вынужден не только следить за красивым словесным рисунком, но и участвовать в сложном философско-этическом построении. Автору доставляет удовольствие играть с читателем в непростую «игру в бисер», соревноваться в решении интеллектуальных загадок.

Новеллы, притчи, сновидения и сложные литературные конструкции в духе Ф.Кафки и Х.Л.Борхеса — всё это эксперименты внутри самой литературы и на ее границах. Но у книги, даже фрагментарной, есть некая точка, к которой она устремлена, — это само искусство письма, его великий смысл, состоящий в том, чтобы привести в жизнь нечто, напоминающее человеку о его предназначении.

Мартин Гал

Дверь Кафки

Ты хочешь уйти подальше от меня? Что ж, это решение не хуже любого другого. Но куда ты отправишься? Где будет «подальше от меня»? На Луне? Даже там — недостаточно далеко, да и ты в такую даль не доберешься. Так к чему все это? Может, лучше сядешь в уголке и помолчишь? Разве так не будет лучше? Там, в углу, темно и тепло, разве нет? Ты не слушаешь? Ищешь дверь. Да, но где же тут дверь? Насколько я помню, в этой комнате ее нет. Когда здесь все это строилось, — кто тогда думал о таких потрясающих планах, как у тебя? Но ничто не потеряно, подобная мысль не может затеряться, мы обсудим ее за круглым столом, и смех будет тебе наградой.

Франц Кафка

Сборник рассказов

Дверь Кафки

Макс Брод целую неделю убеждал своего друга Франца Кафку в необходимости принять приглашение от пражского «Клуба Читателей». Он полагал, что творения Кафки, представленные

этому справедливому читательскому суду, несомненно, будут оценены там по достоинству и круг читателей Кафки, до этого времени не столь широкий, заметно расширится. Сам Кафка такого мнения о своих произведениях отнюдь не разделял. К себе как писателю он всегда предъявлял наивысшие требования, а отсутствие успеха склонен был связывать скорее с несовершенством своего стиля, нежели с плохим вкусом читающей публики. Макс Брод, искренне считавший Кафку писателем высокой литературной пробы, находил такое положение вещей неприемлемым. Он был уверен, что Кафка достоин большего признания.

Шел январь 1922 года. Кафке в ту пору было тридцать восемь лет, а для критиков и литературной среды Праги он был лишь одним из подающих надежды молодых авторов. В то время Кафка тяжело болел и неоднократно выказывал Броду намерение сжечь свои неудачные произведения. Брод искренне любил своего друга и боялся, что некоторые из его работ действительно могут быть навсегда утеряны. Он искал способ, с помощью которого ему удалось бы убедить Кафку бережнее относиться к собственному литературному наследию. Макс Брод верил, что мнение читателей для Кафки кое-что значит, а поэтому принялся активно содействовать его встрече с членами пражского «Клуба Читателей».

История создания этой гильдии читателей такова: известный издатель Курт Вольф в процессе своей работы пришел к выводу, что издательский успех при публикации той или иной книги напрямую зависит от предварительного изучения читательского интереса к ней, и для того, чтобы уберечь себя от возможных ошибок при издании книг, он в 1915 году основал в Праге «Клуб Читателей». В него вошли многие известные литераторы, а также музыканты, художники и даже скульпторы. Творческим людям предоставили в Клубе пятьдесят мест, еще пятьдесят было отдано самым активным читателям, которые в течение трех месяцев отвечали на вопросы Курта Вольфа, размещенные им в одной из пражских газет. Клуб сформировался и начал работу. Этой работой стало чтение книг. Ограничений не было, прочтению подвергались все книги, авторы которых дали свое согласие на это. Читались самые разные книги: как уже изданные, так и те, которые готовились к печати, не отвергались и рукописи, что были признаны издательствами как негодные к публикации. Раз в три месяца в специальном помещении собирался весь состав «Клуба Читателей», и судьба каждой книги или рукописи решалась этим собранием путем тайного голосования. Условие было жестким: если книге выносился обвинительный приговор, то она

подлежала полному физическому уничтожению. Рукописи сжигались, верстка книг уничтожалась, а уже изданные книги изымались из продажи и вместе с рукописями сжигались в специальной печке. Прием книг на читательский суд был добровольным. Автор имел право отказаться от предложения «Клуба Читателей», но в таком случае ему был гарантирован прохладный читательский прием, а шанс обрести своего читателя был невелик. Слишком сильным стало с годами влияние вердиктов «Клуба Читателей» для читающей публики. А тех авторов, что не побоялись представить Клубу свои работы и прошли испытание с честью, ожидал успех и признание.

За пять лет, к 1920 году, «Клуб Читателей» обрел репутацию настоящего литературного монстра. Многие маститые писатели с уже прочными именами боялись отдавать свои произведения на суд этой Литературной Инквизиции, но зато молодые, никому не известные авторы делали это с удовольствием и бросали свои произведения на стол «Клуба Читателей» без страха, потому что, по большому счету, им ничего не угрожало — их рукописи никого не интересовали, а поэтому если им было суждено сгореть в печке Клуба — то значит такова их судьба. Риск для автора был большим, но оправданным. Оправдательный приговор для книги

в «Клубе Читателей» сулил ей успех, а поэтому с каждым годом работы в Клубе прибавлялось: книги и рукописи поступали в огромных количествах. Казалось, что число писателей возросло в несколько раз. Члены Клуба уже не могли справляться со своими обязанностями, и в 1921 году их число увеличили еще на сто человек — это были настоящие волонтеры, для которых чтение заменяло жизнь. Но и это не решило проблемы. Вскоре переизбыток книг, представленных Клубу для вынесения читательского приговора, привел к тому, что образовалась очередь. Теперь рукописи могли пролежать в Клубе целых полгода, и это несмотря на то, что собрание Клуба проводилось ежемесячно, а принятие решений и голосование длилось с десяти утра до восьми часов вечера. В начале 1922 года прием книг и рукописей временно был прекращен. Именно в это время Макс Брод принял решение убедить Кафку дать согласие на предоставление его работ на читательский суд. Он был в дружеских отношениях с Председателем Клуба и потому надеялся, что для Кафки будет сделано исключение — его произведения рассмотрят вне очереди. Макс Броду это удалось. Был назначен день и час, когда Кафка должен был явиться в «Клуб Читателей». Запланировано было редкое по тем временам открытое заседание — в присутствии самого автора. Кафка сам должен был

читать отрывки из своих произведений, а затем, тотчас же по прочтении, в помещение вносились урны для голосования, и по прочитанному произведению в присутствии самого автора выносился приговор.

Жестокое испытание предстояло Кафке. И когда в середине января 1922 года Макс Брод принес ему официальное приглашение из Клуба, Кафка отнесся к этому с полным равнодушием. Он сказал, что ему незачем носить куда-то свои произведения, а тем более читать их вслух. «Это не может улучшить или как-то изменить текст моих книг. Во всяком случае, — говорил Кафка, — это дело хлопотное и совершенно лишнее. Если мои книги чего-то стоят, то их рано или поздно оценят по достоинству, но если они несовершенны, то никакой временный восторг двух сотен читателей не может им помочь». Со всем присущим ему хладнокровием Кафка отказался от приглашения «Клуба Читателей».

Макс Брод знал характер Кафки и помнил, что на него нельзя давить. Кафке не прикажешь, но его можно попытаться переубедить, нужно лишь время и другие аргументы. Несколько дней спустя Брод снова встретился с Кафкой. Он начал издали по заранее продуманному плану. Предложил Кафке новый вариант, для которого не требовалось никаких усилий. Брод был готов сам прочитать

произведения Кафки, если тот даст ему разрешение на это. Кафка обещал подумать. Теперь он не отказывался, и у Макса Брода появилась надежда. Он знал, что Кафка никогда не согласится доверить ему чтение своих текстов. Причина этого проста: у Брода были проблемы с произношением. Но отказать своему другу по этой причине Кафка, в силу своей воспитанности, не мог, следовательно, подобным предложением Брод ставил Кафку в тупик. Расчет оказался верным: на следующий день Кафка отправил Макс Броду записку, в которой уведомлял, что уже нет надобности читать вместо него его тексты, потому что он изменил свое предыдущее решение и готов посетить «Клуб Читателей» в указанное в приглашении время. Об этом событии 22 января 1922 года Кафка в своем Дневнике написал так: «Решение, принятое ночью».

Мечта Макса Брода осуществилась. Будущий триумф Кафки был для него делом решенным. Он не сомневался, что «Клуб читателей» вынесет книгам Кафки оправдательный приговор. Другого решения Макс Брод себе не представлял. Успех Кафки на этом читательском суде сулил известность и славу. И если Кафка как человек был равнодушен к успеху, то Кафка-писатель нуждался в читателях. Ибо что такое писатель без читателя? Это, так сказать, недоразумение, сумасшествие, своего рода несчастный случай — нечто, даже не

существующее. А книга, которую никто не читает, собственно говоря, она ведь и не написана.

Читательский суд над творениями Кафки был назначен на десять часов утра 20 февраля 1922 года. У Кафки оставалось четыре недели для окончательной подготовки своих текстов к этому событию. Он внимательно прочел все свои произведения и распределил их на три части: одну составили уже «готовые» произведения, не нуждающиеся в правке, в другую были включены тексты, требующие окончательной редакции, третью же часть составили работы, исправлять которые не было никакого смысла — их было больше всего — Кафка считал их слабыми и неудачными. Эту группу произведений Кафка даже не собирался брать с собой. Его усилия сосредоточились на текстах, которые нуждались в окончательной правке. Три недели Кафка напряженно работал: правил старые и новые рукописи. Измученный бессонницей и кровохарканьем, Кафка временами уже не понимал, что с ним происходит. Напряжение достигло предела в последнюю неделю. Кафка переутомился и смотрел на свои рукописи с настоящей ненавистью. Он вложил в них все свои силы и теперь ощущал жуткую опустошенность. Кафка твердо решил, что последние два дня он будет отдыхать и не притронется к рукописям.

В первый день, отведенный отдыху, он хорошо выспался, затем выехал за город и целый день гулял в лесу. На следующий день Кафка катался на лошади, затем играл в бильярд, а вечером осчастливил неожиданным приходом свою любовницу, у которой, уставший от любовных утех, остался на ночь. Утром, свежий и отдохнувший, он вернулся к себе домой, взял портфель, наполненный рукописями, и направился по адресу пражского «Клуба Читателей».

Как человек пунктуальный Кафка пришел чуть раньше установленного часа. Было без семи десять. Он осмотрел дом, который имел овальную форму и три этажа. На уровне второго этажа висела огромная вывеска: *КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ*. Буквы были из дерева и окрашены в темно-коричневый цвет. Все окна первого этажа наглухо закрыты. Входная дверь металлическая, состоящая из двух половин-створок, которые плотно прилегали друг к другу. Кафка решил, что дверь закрыта и стал прогуливаться вдоль здания. Он смотрел по сторонам и почему-то совсем не думал о предстоящем. Ему мыслилось легко и свободно. Он вспомнил тело своей любовницы, которое было таким податливым ночью, снова и снова проживал в памяти приятные мгновения, проведенные с ней. Картины прошедшей ночи целиком завладели им. Кафка шел вперед, а когда остановился, то увидел,

что слишком далеко отошел от здания Клуба. Он взглянул на часы — было без двух минут десять. Из страха опоздать Кафка побежал по направлению к зданию. Дважды останавливался, чтобы отдышаться, а затем снова бежал. И он не опоздал. Ровно в десять часов утра 20 февраля 1922 года Кафка стоял у двери. Металлические створки прилегали плотно. Кафка сразу понял, что дверь закрыта. Возможно, он опоздал, и дверь уже не откроют, или ее еще не открывали и в скором времени откроют, либо она закрыта для него и ее не откроют ему никогда. Как бы там ни было, но Кафка решил подождать. Он отошел от двери и поначалу просто стоял на месте. Затем стал ходить под окнами, всматриваясь в них. Вдруг ему показалось, что он слышит какой-то шорох за окном, но звук больше не повторился, и Кафка продолжил бесцельно бродить. Потом он вернулся к двери и внимательно осмотрел ее со всех сторон. Она была закрыта очень плотно. Железные створки двери, по всей видимости, закрывались специальным внутренним механизмом. Отверстия для ключа снаружи не было, и Кафка пришел к выводу, что дверь открывается только изнутри. Снаружи торчала только ручка. Кафка постоял возле двери, а затем повернулся к ней спиной и условился сам с собой, что если двери через двадцать минут не откроют, то он уйдет и больше

сюда никогда не вернется.

Тем временем внутри здания речь также шла о двери и Кафке. Макс Брод убеждал читателей, что Кафка немного опаздывает и скоро придет. Через полчаса Брод догадался, в чем дело — ключница забыла открыть дверь и Кафка не может войти в здание. Макс Брод еще раз обратился к членам Клуба. «Это всего лишь ошибка ключницы. Кафка находится у двери и не может войти. Я найду ключницу и открою дверь» — сказал он. Курт Вольф, председательствующий на собрании, велел послать за ключницей. Управляющий делами Клуба пошел за ней сам, Макс Брод сопровождал его. Ключницы нигде не было. Она жила на третьем этаже. Управляющий и Брод поднялись к ней домой, но и там ее не было. Они разбудили ее пьяного мужа и узнали, что ключница ушла на рынок и вскоре вернется. Макс Брод решил ее дожидаться.

А в это самое время Кафка взглянул на часы. Была четверть двенадцатого. Всякие надежды на то, что читатели откроют ему дверь, исчезли. Кафка был расстроен. Он долго готовился к встрече с ними, так тщательно отбирал и правил свои рукописи, что начал сожалеть, что не сможет их никому показать. Кафка прождал еще пять минут и решил в последний раз подойти к двери. Он подошел к ней и снова пристально всмотрелся в эти

жестокое стальные створки. Затем резко обернулся и столкнулся с женщиной, держащей в руках две корзины, полные еды. Кафка извинился и пропустил ее к двери. И тут произошла странная вещь — женщина взялась за ручку двери и потянула ее на себя. Дверь легко открылась, и женщина вошла в здание. Это ключница вернулась с рынка. Она закрыла за собой дверь. Кафка подошел к двери и потянул ручку на себя. Теперь дверь и в самом деле была закрыта. Закрыта навсегда. Кафка взглянул прощальным взглядом на здание «Клуба Читателей» и ушел оттуда, чтобы никогда туда больше не вернуться.

Макс Брод дождался ключницы и узнал, что дверь всё это время была открыта и только теперь, вернувшись с рынка, ключница закрыла ее. Брод взял у нее ключи и побежал вниз, на первый этаж — к двери. Открыл ее, но Кафки там уже не было.

Кафка шагал в одиночестве. Шагал своими несравненными великими буквами и присущими лишь ему блистательными ритмами. Шагал вперед, не оборачиваясь, а через дверь, открытую Максом Бродом, на улицу высыпали читатели Кафки, которым теперь каждому в отдельности было суждено искать Кафку, искать его самому безо всякой помощи и подсказки. Некоторые из них до сих пор читают книги Кафки, но уже не для того чтобы вынести им приговор, а для того, чтобы

вершить суд над самим собой.

Так что дверь Кафки всё же открылась.

Но в тот день, когда это произошло, Кафка взял свой Дневник и написал: «Незаметная жизнь. Заметная неудача».

Стул

Мастер по мебели Брошковиц сидел без заказов. Время было сложное, людям едва хватало денег на еду и одежду, поэтому мебель ручной работы заказывали редко. Город, в котором жил Брошковиц, был маленьким, богатых людей в нем проживало немного, к тому же все они уже давно заполнили свои дома новой мебелью. Зарабатывал Брошковиц мелкими заказами — в основном это была починка старой мебели. У кого-то расклеилась тумба, кому-то он чинил одежный шкаф, где-то укреплял стол и ремонтировал стулья. Всё бы ничего, если бы хоть раз в неделю поступал какой-то заказ на новую мебель. Но уже три месяца как у Брошковица не было ни одного стоящего заказа. Брошковиц томился от безделья, он был готов начать делать всё что угодно, лишь бы не сидеть без работы. Ничегонеделанье утомляло его больше всего в жизни. Его даже мучила совесть, что в то время, как все кругом заняты работой, он один почему-то ничего не делает. Перед женой и

детьми ему было неудобно. Иногда Брошковиц покидал свою мастерскую и слонялся без дела по городу. Останавливался, чтобы переброситься парочкой слов со знакомыми, узнавал последние городские сплетни, в общем — убивал время.

Однажды, когда он вернулся с прогулки, в мастерскую к Брошковицу пришел незнакомый ему мужчина. Он был высокого роста, модно одет, ботинки вычищены до блеска — одним словом, — очень приличный господин. Брошковиц от удивления даже немного разинул рот, но затем собрался духом и начал разговор:

— Я вас слушаю, — сказал он.

— Это вы изготавливаете деревянную мебель? — спросил у него гость.

— Да, я — мастер по мебели Брошковиц.

— Хочу сделать заказ.

— Очень рад. Что же именно вы хотите заказать: кухонный гарнитур, спальню или книжные полки?

— Ничего из перечисленного. Я хочу заказать вам стул.

— Как, один стул и всё?

— Один.

— А как же стол и другие стулья?

— Мне нужен один стул ручной работы, наилучший стул, который может быть сделан человеческой рукой.

— Я не очень вас понимаю, но я готов сделать вам стул, если вы объясните мне, какой именно вы хотите. Я покажу разные образцы, и вы сможете выбрать.

— Мне не нужны образцы, потому что я не знаю, какой мне нужен стул. Я хочу иметь самый совершенный в мире стул. А каким он должен быть — я не знаю. Я плачу много, вот задаток, — сказал гость и положил на стол пачку купюр довольно большого достоинства.

Брошковиц взял деньги и быстро пересчитал их — там был его полугодовой доход. Затем вернулся к разговору:

— Вы не ошиблись с оплатой? Это слишком много за один стул. Я не хочу вас обманывать, но моя работа столько не стоит. Один стул я могу сделать гораздо дешевле.

— Может быть, может быть, но дело тут не в деньгах, хоть и они имеют значение. Я хочу получить совершенный стул, самый красивый стул в мире, своего рода произведение искусства — вот чего я жду от вас. К тому же я достаточно богат и могу себе позволить некоторые вольности в обращении с деньгами. Сколько времени вам понадобится, чтобы сделать совершенный стул? Когда мне приходиться за своим заказом?

Тут Брошковиц задумался. Он знал, что сделает стул за три дня, максимум за неделю, но

сказать заказчику, который платит так щедро, что через неделю стул будет готов, показалось ему глупым, и Брошковиц ответил:

— Стул заберете через месяц. Это очень серьезный заказ, такого у меня еще не было, я хочу с особой тщательностью выполнить его. Так что жду вас через тридцать дней.

— Всего хорошего, — сказал заказчик и вышел из мастерской.

Он ушел так же внезапно, как и явился. Если бы не пачка денег, которую тот оставил, Брошковиц мог бы решить, что никакого заказчика не было, а всё это его грезы и ничего больше. Как бы там ни было, но аванс за работу был уплачен, и Брошковиц немедленно решил приняться за заказ.

Вначале ему необходимо было нарисовать стул, а уже после этого сделать его по готовому эскизу. Три дня Брошковиц рисовал совершенный стул. И когда, наконец, ему понравился один из рисунков, Брошковиц взялся за столярную работу. Спустя два дня стул был готов. Брошковиц поставил его на середину мастерской, и его первое впечатление было хорошим. Стул ему понравился. «Сойдет», — подумал Брошковиц и пошел спать.

Утром он пришел в мастерскую и, взглянув на стул, уже издали увидел в нем изъяны. Стул нуждался в улучшении, и Брошковиц стал его переделывать. На это ушло еще три дня. Новый

вариант совершенного стула красовался в мастерской. Брошковиц, довольный своей работой, позвал в мастерскую жену, чтобы показать ей изделие. Жена пришла и внимательно осмотрела стул. Ножки стула показались ей чересчур вычурно обработанными, какими-то лишенными естественности. Брошковиц не рассердился на жену, он промолчал и оставил стул в покое. На следующее утро Брошковиц пришел в мастерскую и убедился, что его жена вчера была права — ножки стула были вычурными и совсем не годились. Брошковиц разозлился на стул и разрубил его топором на мелкие части.

Работу теперь пришлось начать сначала. Новый эскиз и новое исполнение. Брошковиц был уверен, что в этот раз у него всё получится. Работал еще две недели, и когда стул нового образца был готов — вновь выставил его посреди мастерской и стал ходить вокруг него, потирая руки. Брошковицу показалось, что совершенный стул готов. В целом он был доволен, но что-то в сделанном им стуле не нравилось ему, что-то его не удовлетворяло. Стул был хорошим, но Брошковиц понимал, что это не самый совершенный стул в мире. Что именно в нем было не так, Брошковиц не знал. Но когда пришел заказчик, он попросил у него еще один месяц. Заказчик согласился с этим и ушел.

А Брошковиц продолжил свои поиски. В

течение месяца он изготовил четырнадцать новых стульев, но и они не удовлетворяли мастера Брошковица. Среди них не было того самого — одного совершенного стула. Через месяц явился заказчик. Брошковиц извинялся и выпрашивал у него еще один день. Поначалу заказчик был непреклонен, но потом согласился подождать до завтра. Условились, что если стул не будет готов к завтрашнему дню, то Брошковиц обязан вернуть весь аванс, полученный от заказчика. Условие было жестким, но справедливым. Заказчик ушел.

Брошковиц после этого испугался не на шутку, ведь почти все деньги были растрочены на различные семейные нужды. Оставалось либо изготовить стул, либо искать деньги для возврата их заказчику. Брошковиц бродил по мастерской как привидение, никаких свежих мыслей не рождалось у него в голове. Вся фантазия была исчерпана, ему ничего не оставалось, как идти к другу и просить денег взаймы. Брошковиц именно так и решил поступить, но когда одевался в прихожей, увидел там старый стул, на котором стоял цветочный горшок. Этот стул Брошковиц изготовил двадцать лет тому назад — это был первый стул, который он сделал в своей жизни, но именно теперь он почему-то показался ему правильной формы и чудных пропорций.

Брошковиц освободил стул и унес его к себе в

мастерскую. Снял размеры и еще раз внимательно посмотрел на стул. Он был совершенен. Простота линий, четкость контуров придавали стулу необходимое равновесие и достоинство. За ночь Брошковиц изготовил точную копию стула двадцатилетней давности. Заказчик остался доволен. Он выплатил остаток денег, взял стул и ушел. А Брошковиц, потрясенный всем, что с ним произошло, подошел к старому стулу, своему спасителю, стал на колени и прикоснулся к нему лицом. Этот старый стул, обычное деревянное изделие, стал для Брошковица дороже всех вещей на свете, он спас его репутацию, спас его семью от голода, он стал для него всем, чем может стать для человека нечто великое и святое.

Незнакомец

Мы сидели в таверне и пили вино. Это было в пятницу вечером, после утомительного рабочего дня. Народу в таверне было полно, все громко разговаривали, ели, пили, обменивались новостями. Обсуждали главное событие недели: убийство одного приезжего. Его личность так и не установили, при нем не было найдено никаких документов — он приехал во вторник утром — и никто не знал, кто он и откуда явился.

Мой друг, с которым мы сидели за одним

столом, налил мне полный бокал вина. Мы посмотрели друг на друга и выпили. Шум в таверне нарастал. За соседним столиком сидела компания молодых людей. Они оживленно обсуждали убийство незнакомца. Краем уха мне удалось расслышать несколько обрывочных фраз: «Он приехал с Юга», «Искал приключений и нашел», «Страшный человек — у него в сумке нашли хирургические инструменты», «Он — маньяк и убийца», «Целая гора фотографий — вот что было у него под кроватью», «Список людей в черном блокноте». Были и другие комментарии, но из-за шума мне не удалось их разобрать.

Я спросил своего друга, что он сам думает об этом убийстве. Тот помолчал, а затем наклонился ко мне через стол и сказал: «Это я его убил. Он мой враг и приехал, чтобы рассчитаться со мной за мои прошлые дела».

Я вначале решил, что мой друг меня разыгрывает, но вскоре понял, что он совсем не намерен шутить. Он пересел на мою сторону, глотнул вина и начал свой рассказ:

— Я скрывался от него почти десять лет, но он все-таки нашел меня. У меня не было выбора: либо он — либо я. Понимаешь, я должен был его остановить — ведь он пришел, чтобы поквитаться не только со мной, но и со всеми нами. Он должен был нас всех призвать к ответу. Всех людей,

которые живут в нашем городе. Я не думал, что такое возможно. Когда десять лет назад я его встретил — он остановил меня на перекрестке, я еще подумал, почему этот странный прохожий одет не по сезону, так вот, он сказал, что мне не следует переходить улицу на красный свет, и еще он сказал, что знает обо мне всё — знает, что я бросил свою дочь, знает, что я себе на уме и отличаюсь довольно свирепым нравом. Я очень хорошо запомнил его слова, хоть и прошло с того времени много лет: «За всё придется платить по счету — помни об этом!» Больше я его не видел, но когда он приехал в наш город, я сразу понял — он ко мне. Он не звал меня к себе, не назначал встречи, даже не обратил на меня внимания, когда мы с ним столкнулись на улице. Я пришел к нему сам — он поселился в гостинице, — я вошел в его номер и стал рассказывать ему о самых мерзких и постыдных событиях моей жизни, как на исповеди, всё говорил и говорил, часа два, не меньше, а он молчал и слушал. Мне казалось, что после всего этого — он должен либо простить меня, либо убить. Но незнакомец не сделал ни того, ни другого. Он просто открыл мне дверь и предложил уйти. Я вышел от него в ужасном состоянии, во рту был привкус железных опилок, я чувствовал себя униженным и опустошенным. Мне хотелось вернуться и раскроить ему череп — так я его возненавидел. Я не хотел, чтобы он кому-то еще

рассказал о моих поступках. Я должен был вернуться и убить его, но я пошел в бар — и пил, пил там до самого утра. Проснулся я за столиком бара. Я не помнил, как провел ночь, но был почему-то уверен, что в пьяном угаре вернулся к незнакомцу и прикончил его. Этой ночью незнакомца действительно убили. Об этом мне сообщил бармен. Я ужаснулся. С одной стороны, я имел все основания его убить, а с другой — сам себе я ничего не мог доказать — я не помнил ничего из той ночи. Я даже не знаю, как мне теперь поступить — ведь полиция ищет убийцу, а я хоть и считаю себя убийцей, но не могу этого никак доказать. Иногда я думаю, а вдруг я никогда с ним не встречался, вдруг я не был у него в отеле, вдруг я не совершил в своей жизни ни одной подлости и вдруг это совсем другой человек всё это делал, а не я, что же тогда?

Я посмотрел на своего друга и промолчал. Мы выпили еще вина. Заказали еще бутылку. Вскоре мой друг сильно охмелел. Голос его стал срываться, он перестал обращать внимание на людей в таверне и грубо бранился. Хозяин подошел ко мне и учтиво попросил нас покинуть заведение. Я расплатился, и мы вышли из таверны. Я решил проводить друга домой. Через двадцать минут он уже спал в своей кровати — сладко и безмятежно. На тумбочке возле кровати я оставил ему записку. В ней говорилось,

что незнакомец приезжал ко мне и что убил его я, а поэтому моему другу незачем волноваться.

На следующий день я сдался полиции. Меня приняли с недоумением — как оказалось, до этого уже 44 человека сознались в убийстве незнакомца. Мужчины и женщины разного возраста явились в полицию с повинной. Они уверяли, что убили незнакомца, и были полны решимости понести за это наказание.

В ближайшую неделю в органы правосудия обратилось свыше трех тысяч человек, и все они признавали себя виновными в убийстве незнакомца. Мотив у всех был один: этот незнакомец — их личный враг, и приехал он, чтобы потребовать оплаты какого-то странного счета, не денежного, но какого-то особого долга, непонятного никому. Все утверждали, что у них не было выбора. Они не могли оплатить счет — им пришлось бы отдать незнакомцу свою жизнь, а они этого не хотели, поэтому и убили его, уверенные в том, что спаслись. Некоторые утверждали, что незнакомец — угроза всему населению, и убить его — это их гражданский долг. Вскоре властям пришлось организовать специальные отряды полицейских для разоблачения этих лжепреступников, которые свидетельствовали против себя. Но упорство этих людей в желании понести наказание не имело границ. Их отпускали на свободу, считая их

невиновными, а они не соглашались с этим и подавали жалобы в другие инстанции — требуя справедливости. С точки зрения здравого смысла ситуация была комичная. Тысячи людей оговаривали себя, и все они желали быть наказанными за преступление, которого не совершали. В связи с этим, власти внесли изменение в законодательство, теперь лжесвидетельство против самого себя становилось уголовным преступлением. Но и это не уменьшило желание населения клеветать на себя. Спустя три месяца — в убийстве незнакомца сознались все горожане, за исключением детей. После тщательного выяснения обстоятельств всех этих лжеубийц полиция отпустила.

Единственным подозреваемым оставался я. Друг, который пришел навестить меня, рассказал, что многие горожане завидуют мне из-за того, что я понесу наказание за убийство незнакомца. Я же к этому относился довольно сдержанно. Мне хотелось, чтобы дело поскорее передали в суд. Я ждал приговора и наказания. Но случилось то, чего никто не ожидал: меня освободили из-за отсутствия состава преступления. Как оказалось позже, тело незнакомца, которое находилось под тщательной охраной в морге, внезапно исчезло. Никто из охранников ничего не мог объяснить — тело просто испарилось. Незнакомца больше не было. Он исчез

так же неожиданно, как и появился. Многие теперь даже сомневаются, приезжал ли он в наш город и существует ли незнакомец на самом деле.

Преступление без наказания

В дверь позвонили два раза. «Кто бы это мог быть? Кому я вдруг понадобился в воскресенье утром? Скорее всего — ошиблись квартирой», — думал я, открывая дверь. Когда я увидел гостя, убеждение в том, что ошиблись адресом, только возросло, потому что передо мной стоял высокий худой мужчина тридцати-тридцати пяти лет, совершенно мне не знакомый.

— Вы к кому? — спросил я его.

— Меня зовут Родион Романович Раскольников, и я к вам, — ответил гость.

А затем протянул мне руку. Я пожал ее, ощутив, что рука его теплая. Гость вошел в квартиру. Я был смущен и даже несколько напуган. Я знал только одного Раскольникова — героя романа, в котором тот убил двух женщин, а затем сознался в содеянном. Я читал эту книгу несколько раз, и всегда после прочтения что-то жуткое оставалось у меня на сердце, а в душе на некоторое время поселялась какая-то страшная червоточина, заполненная плесенью. Но то была всего лишь книга, а здесь человек, который живет не на

страницах, а ходит по моей квартире. Я был сильно поражен. А мой гость попытался всё объяснить:

— Вы, верно, считаете меня за сумасшедшего, который вдруг вообразил себя героем Достоевского и решил поморочить вам голову. Вы не верите, что персонажи из книг — такая же реальность, как и обычные люди. Некоторые читатели считают, что герои книг реальнее живых людей. Я думаю, что такое ощущение реальности образа посещает иногда каждого читателя.

Я подумал, что он прав: «Гамлет всегда был для меня реальнее соседа по лестничной клетке, а Раскольников из книги был гораздо ближе, чем мои преуспевающие друзья. Но всё же как-то не верится, что он — это человек из книги. И даже если это так, то почему он пришел именно ко мне?» — спрашивал я себя.

А Раскольников тем временем будто бы угадывал мои мысли:

— Вы, наверное, удивлены, почему я пришел в гости именно к вам, а не к кому-то другому, к какому-нибудь восторженному почитателю Достоевского или к литературоведу. На то есть две причины. Первая — это то, что литературоведы и прочие ученые люди никогда мне не поверят, потому что я им нужен мертвый, чтобы правильно рассуждать обо мне и моих поступках, ведь люди только о мертвых и могут судить верно, поэтому

многих смерть и соблазняет до сих пор. Вторая причина состоит в том, что преступник всегда возвращается на место преступления, и это факт неоспоримый. Вот я и вернулся в *ту квартиру*, в которой убил старуху-процентщицу и ее сестру.

Раскольников замолчал и пристально посмотрел на меня, затем заложил руки за спину и стал ходить по комнате. Я стал за ним следить. Вид у него вдруг стал каким-то угрюмым, казалось, он что-то вспоминает, и не самое приятное. Я уже даже жалел его и думал: «Нелегко ему быть в квартире, где раньше убил людей. Это ведь не забыть никогда, даже перед смертью обязательно вспомнишь. Никогда такого проступка не забыть. Может, для этого и нужно кому-то такое совершать, но чтобы не только он один об этом помнил, но и *другие*, для которых обидеть человека ничего не стоит, и жизнь человеческую они оценивают не дороже навозной мухи. Вот им Раскольников нужен позарез. Но те, кому он нужен, никогда с ним не знакомятся, даже не знают о его существовании, он приходит всегда к таким, как я, которые не то что человека, а и муху боятся обидеть». Так мне думалось всё то время, когда Раскольников нервно расхаживал посреди комнаты.

Тут он вновь будто бы угадал мои мысли:

— Вы думаете, что я пришел к вам зря, что мне бы к другим пойти, к тем, что метят в

Наполеоны, для которых единичное зло — мелочь, и в расчет не берется. «Ему бы к ним», — думаете вы. А ведь они во мне хоть и нуждаются, а понять меня не в силах, потому что чужой опыт нельзя на себе применить. Никому не дано залезть в шкуру другого и испытать то, что испытывает другой. Нельзя почувствовать страх смерти без приложенного к виску пистолета. Нельзя понять муки совести убийцы, не совершив убийство самому. Можно только пробовать представить себе всё это, но прожить это в тотальности мыслей и чувств совершенно невозможно.

Тут он замолчал. Я посмотрел на Раскольников и увидел, что перемена в нем происходила страшная. Угрюмость, которая еще усугубилась, придала ему довольно жуткий вид. Глаза его горели каким-то нездоровым блеском, я почувствовал, что скоро нечто произойдет, что-то важное для нас обоих. Напряжение нарастало. Спустя время Раскольников снова начал говорить:

— Вы вот рассуждаете как будто невинно, но мысли ваши от невинности весьма далеки. У вас в уме всегда есть десяток людей, которых вы, возымей вдруг над ними власть, казнили бы в три счета, пять-шесть человек достаточно вам насолили и теперь удостоены чести входить в первую шеренгу тех, кого вы планируете истребить. А ведь это похуже, нежели убивать. Тут дело на первый

взгляд простое: ненавижу своих врагов и при первой же возможности уничтожу их как тараканов. Но есть в вас страх перед законом, и ничего не происходит. Враги ваши живы — гуляют себе и ни о чем не подозревают, а вы великодушно даруете им жизнь, потому что не способны на поступок настоящего человека. Бойтесь преступить, но ведь не по моральным причинам, а из-за страха перед последующими за этим неприятностями. Значит, дело ваше подленькое и скверное — а человек вы мелкий, и душа ваша ничтожная. Но этого вы себе никогда не скажете, и другие вам этого не скажут — они ведь вас любят и из жалости врут. Люди вообще склонны к обману и лжи — это одна правда и есть. И все они обманывают сами себя и других естественным образом. Им и невдомек, что их человеческая природа так уже исковеркана, что без лжи и дня прожить не может. Более того, они уверены, что ложь и обман есть истинные их спасители, и теперь им только так и надо жить, а не иначе. Вот вы на меня теперь обидитесь, и всё из-за того, что я вам правду сказал, и в глаза — а кому она нужна правда-то? Да никому. Разве что Достоевскому и мне, а вам и всем остальным она совсем не нужна и вряд ли скоро понадобится. В этом я убежден, а поэтому скоро уйду от вас, потому что не хочу в вашу жизнь вносить смятение. Я хочу, чтобы вы были честны хоть иногда перед

собой, потому что гораздо лучше убить кого-то один раз, а затем промучиться, как я, и стать обновленным, чем желать смерти своим врагам всю свою жизнь и гнить заживо в злости и ненависти. Вот вы думаете, что я и вправду хотел в Наполеоны, хотел обрести право решать, кому жить, а кому не жить, кто из нас обыкновенный, а кто необыкновенный. Может, в самом начале что-то такое и грезилось, но единичное зло я в ранг добродетели не возводил, хоть, поддавшись ложной арифметике, на практике всё для себя проверил. Я хоть теории своей доверял, но не слепо, я предчувствовал, что поражение неизменно ждет меня впереди. Я хоть и сомневался в правильности замысла, но не остановился на полпути. Решился идти до конца и проверить ценой собственных страданий и злоключений — вошь ли человек. А ведь меня собственно интересовало не это, а ответ на вопрос: вошь ли я? Вот что меня интересовало. А убив старуху и ее сестру, я понял, что не вошь я, а человек, и человек я необыкновенный, потому что во мне совесть живет, и страдания мои множатся. Я на каторге восемь лет провел — настрадался я много и никому пути такого не пожелаю, но и другого пути у человека нет. Нужно преступление совершить, чтобы понять, живет ли совесть у вас внутри или ее там нет. Я и к вам с этой вот целью пришел. Даже топор прихватил. Еще на каторге я

это придумал. Решил, зайду в *ту квартиру* и всё жильцу расскажу (я почему-то был уверен, что будет жилец, а отчего — не знаю). Я знал, что вы мне верить поначалу не будете, но потом, потом, когда я вам много правды скажу — вы захотите испытать то, что я испытал, но не при чтении романа, которое ни к чему не обязывает, а в реальной ситуации. Я вам, конечно, приказать не могу, но предложить обязан.

Тут Раскольников вытащил из под плаща топор, совершенно новый, с приклеенной этикеткой, видимо, только что купленный им в хозяйственном магазине. Я опешил, а Раскольников протянул мне топор и сказал:

— Берите топор в руки и определите для себя раз и навсегда — кто вы на самом деле: вошь или человек? Я — Родион Раскольников — уверен в том, что вы — не человек, а вошь, самая обыкновенная вошь, ибо никогда не решитесь.

Я был вне себя. Негодование, гнев и ненависть к Раскольникову разрывали мне душу. Уязвленное самолюбие и обида перешли в ярость. Я вырвал топор из рук Раскольникова и замахнулся на него. И в то мгновение, когда топор опускался на его лицо, я увидел перед собой страшное лицо старухи-процентщицы, которую я убиваю. Я нанес ей еще один удар, переступил через труп и вышел в коридор. Мельком я взглянул на себя в зеркало и не

узнал своего лица. Это был уже не я, а тот, другой — Раскольников...

Ночной сторож

Он работал ночным сторожем на автостоянке и был страстным любителем автомашин. Знал все существующие в мире модели, следил в журналах за появлением новых, мог с любым владельцем говорить о его автомобиле, потому что хорошо разбирался в преимуществах и недостатках той или иной марки. На работу ночного сторожа он устроился недавно, но она была ему по душе. За короткое время он уже выучил досконально: какие машины ночуют на стоянке, сколько их всего и где каждая из них должна находиться. Ночной сторож любил свою работу, ему даже иногда казалось, что это его подлинное призвание. Он был счастлив, потому что наконец-то нашел для себя занятие, приносящее ему радость. И ему думалось, что ничто в мире не может этому помешать.

Но однажды на очередном дежурстве с ним произошла странная история. Уже далеко за полночь, в половине третьего ночи сработала вдруг сигнализация в одном из автомобилей. Ночной сторож дремал, а поэтому, когда вышел из своей каморки на улицу, был сонный и растерянный. Но далеко бежать ему не пришлось: звуковые сигналы

исходили из его личного автомобиля. Ночной сторож подошел к своей машине и увидел, что она цела и невредима. Затем окинул взглядом стоянку и убедился, что никого вокруг нет. Тем временем тревожный вой автомобиля продолжал разрывать ночную тишину. «Если я не отключу сигнал, то через пять минут разбужу весь квартал», — подумал ночной сторож. Он достал из кармана брюк брелок управления сигнализацией и нажал на нужную кнопку. Безрезультатно. Затем подошел вплотную к автомобилю и повторно попытался отключить сигнал. Прodelал это несколько раз кряду, но тщетно. Машина продолжала реветь. «Ви-у, ви-у, ви-у» — неслось во все стороны. Ночному сторожу стало не по себе. «Заела кнопка», — решил он. Открыл дверь автомобиля и попытался вручную отключить сигнал, но у него ничего не вышло. Он открыл капот и посмотрел внутрь машины с ненавистью. «Когда же ты заткнешься?» — подумал он. Попробовал снять клеммы с аккумулятора, но ключа нужного размера под рукой не оказалось, пришлось идти за ним в каморку. «Скоро умолкнешь», — процедил сквозь зубы ночной сторож. Он был уже в бешенстве от такого глупого положения вещей. Не может усмирить собственный автомобиль. Расскажи он об этом своим друзьям — никто из них ему бы не поверил, ведь все знали его как знатока автомашин.

А тут какая-то сигнализация, которую он не может отключить. Скоро прибегут первые проснувшиеся и закатят скандал. Только этого ему еще и не хватало. Свою машину ночной сторож держал на стоянке незаконно, а когда начнутся разборательства, то всё выплывет наружу.

Ночной сторож взял нужный гаечный ключ и вернулся к вопящему автомобилю. Снял клеммы с аккумулятора и облегченно вздохнул, так как ему вдруг показалось, что машина замолчала, но он ошибся: автомобиль продолжал реветь. Ночной сторож запаниковал. «Без электропитания и работает — чертовщина какая-то», — подумалось ему. «Сейчас я ей сделаю», — решил он и стал вырывать все провода, которые находились под капотом, но и эти его усилия оказались напрасны. Автомобиль взбунтовался и продолжал вопить. Нервы ночного сторожа были уже на пределе. Он готов был разломать свой автомобиль, лишь бы исчезли эти разрезающие мозг ужасные звуки.

С твердым намерением прекратить это безобразие ночной сторож снова пошел к себе в каморку и вскоре вышел оттуда с кувалдой в руках. «Убью!», — закричал он и побежал к своему автомобилю. А подбежав к нему, стал громить его кувалдой. Вначале разбил двигатель, затем принялся за кузов. Металлический треск и звон разбитых стекол присоединились к визжанию

самого авто. Ночной сторож разрушил почти весь автомобиль, а из него продолжали исходить звуки. Агония машины становилась бесконечной. Ночной сторож стоял возле этой груды матааллолома и тяжело дышал. Он думал о том, что следует уничтожить сам источник сигнала и тогда его автомобиль, а вернее, то, что от него осталось, перестанет его изводить. Ночной сторож прислушался, и ему показалось, что звук исходит из района заднего бампера — он тотчас же разбил его и разломал на мелкие куски, но сигналы не прекратились. Тогда ночной сторож вновь прислушался — теперь звук доносился из правого переднего колеса — он уничтожил и его, но ничего не изменилось.

Так, участок за участком, ночной сторож раскрошил весь автомобиль, разбил его на мелкие кусочки, затем измельчил и эти обломки. Автомобиль превращался в пыль, а звук продолжал из него исходить. Даже в осколках машина сохраняла полное здоровье и вопила: громко и непрерывно. Ночной сторож решил, что окончательно рехнулся. Он держал в руках последний кусок металла и со звериной жестокостью раскрошил его ударом кувалды.

Обессиленный, ночной сторож опустился на землю и прилег. Уставший, он уже почти не слышал завывающего сигнала. Лежал и смотрел на

темные силуэты машин. Вдруг ему показалось, что из автомобиля, стоящего в ближнем ряду, исходит какой-то свет. Ночной сторож поднялся и направился в сторону этого свечения. Он увидел аварийное мигание и отметил про себя, что сила звукового сигнала усиливается по мере его приближения к этому автомобилю. Ночной сторож подошел к нему и застыл на месте: звук, который он принял за сработку сигнализации своей машины, исходил из этого авто. От злости ночной сторож пнул ногой по колесу чужой машины, и вдруг произошло невероятное: сигнализация сама по себе отключилась. Наступила тишина. Никакие звуки больше не носились по автостоянке. Ночной сторож вернулся к осколкам своего разрушенного автомобиля, сел на них и обхватил голову руками. Он думал о том, как такое могло с ним произойти. И не мог себе объяснить, почему он так глупо промахнулся. А в голове непрерывно крутилась одна-единственная мысль, настойчивая, как тот звуковой сигнал, с которым он так бессмысленно боролся. Эта фраза, которую ночной сторож повторял теперь как заклинание, звучала примерно так: «Не ищите себе помех. Быть может, что их вовсе нет». Возможно, она была из книги, а может, из чужого разговора. Так или иначе, но мысль эта казалась ему верной, хоть и была довольно запоздалой.

Вселенская катастрофа

Новость из утренней газеты повергла Суркова в ужас. В статье писали о том, что планета Земля обречена на гибель. Мысль эта настолько поразила Суркова, что он тотчас же поделился ею со своей женой:

— Представь, дорогая, — через пять миллиардов лет Солнце угаснет, и жизнь на Земле прекратится. Перед тем как остыть, Солнце взорвется и сожжет дотла нашу планету. Всё человечество сгорит на одном страшном костре. И это научный факт. Вот газета, они точно знают, что всему придет конец. Всё будет уничтожено, вода испарится, расплавятся горы, а затем Земля остынет и станет одной каменной глыбой, окруженной полной темнотой. Погибнут все люди, исчезнут все научные достижения и духовные свершения, все великие произведения человеческого разума в одно мгновение превратятся в ничто. И ничего поделать нельзя. Мы все — обречены!

Жена выслушала Суркова, зная, что он еще не раз будет повторяться, мусолить одну и ту же тему, еще и еще раз возвращаясь к ней, но только в других выражениях. Спорить с Сурковым было бесполезно, но не обращать внимания нельзя, поэтому женщина сделала заинтересованный вид и